

Среда Виктора Косаковского

Петербургский кинорежиссер-документалист стал одним из «триумфаторов»

«Лет 15 назад мы втроем сидели на станции метро «Владимирская». Игорь Алимпиев, я и еще один человек с питерской документальной студии. И из разговора вышло, что и Феллини, и Антониони, и Флазарты — ерунда. А мы — мы-то точно гении. А потом задумались: разве может быть, чтобы на одной станции метро, на одной скамейке сидели сразу три гения?» (Из разговора с кинорежиссером-документалистом Виктором Косаковским).

Им было тогда лет по двадцать. Игорь Алимпиев, впоследствии серьезный режиссер, снял документальную «Африканскую охоту» и игровой «Панцирь». «Еще один человек» остался безвестным. Сам же Косаковский стал чем-то вроде Михалкова нашего неигрового кино: он единственный российский документалист, с которым хотят работать столпы продюсерского мира — вплоть до Фрэнсиса Копполы — и с которым работают крупные европейские телеканалы, производящие неигровые фильмы, — ZDF, ARTE, BBC. Его «Беловы» собрали беспрецедентное количество фестивальных призов (больше 50), за него Косаковский получил госпремию в 1993-м, его показали десятки телеканалов мира, BBC продлеvalo действие прав на картину из-за «многочисленных заявок зрителей». Из-за него же режиссер стал любимым лектором киношкол — от ВГИКа через Варшаву и до Стокгольма. В четвертую картину «Среда. 19.7.1961» инвестировали деньги восемь стран и четыре крупнейших европейских телеканала.

...Как гласит питерская легенда, Косаковский после своего первого фильма «Лосев» и Высших режиссерских курсов скитался с семьей по съемным углам, болел и бедствовал. И тогда Александр Сокуров пошел на прием к мэру Собчаку и сказал: у нас на студии есть один парень, очень талантливый, если не поможете ему — уедет. Так, якобы, у Косаковского появилась квартира с видом чуть не на Мариинку. Все это — сильное преувеличение. Мариинка далеко, Сокуров тоже. К ма-

ру ходил не он, да и ходили ли, не ясно. Но факт — фигура Косаковского провоцирует к мифотворчеству: он мужчина с загадкой (победителен и застенчив одновременно, смысл говоримого им часто маскируется паузами, как его взгляд — длинными ресницами).

И в его кино многое «закручено» на именах. Не исключено, что он верит в ритуал называния и сосредоточения на сути вещей этим путем. Уже в «Лосеве» камера пристально наблюдала за конкретным уходящим стариком по фамилии Лосев, пытаясь за умирающим телом философа Лосева рассмотреть его философское «все становится». А когда Косаковский снимал похороны, он, любящий Лосева как никого, как-то безысходно сосредоточился на все уменьшавшейся кучке земли у могилы и все снимал и снимал ее. Косаковский говорит, что плакал на тех похоронах, но сам не знал, отчего: от того, что Лосев умер, или от того, что он, режиссер, снял: как эта кучка земли исчезала во времени. Это было страшно принципиально для Косаковского. Принципиально и страшно.

Это и есть «ноу-хау» Косаковского — постараться выпихнуть на поверхность фильма вот это — физическое существование духовного во времени. И то, что сделало его столь желанным «и здесь, и там»: он адаптировал к пониманию «человека на каждый день» наш бытовой «русский космизм».

В «Беловых» Косаковский режиссировал жизнь, которую знал наизуток (он знаком с семьей Беловых с детства). Погружал изображение в немоту, попросту отключал звук в сцене матерного семейного скандала героев, когда в комнату входил мальчик-подросток: по-божески, ребенок не должен слышать того, что услышал тот ребенок. Ак-

тивно провоцировал героев проявлять себя, запараллеливал два типа существования — героини-труженицы и героя-пьющего мыслителя и достраивал эту реальность до кинообраза. Образа русской крестьянской Атлантиды, живущей нищим бытом: своей мыслью утопической она обращена прямо к бытию. И потому нищета неизбежна, она — дом ее Утопии.

Герои «Среды» родились в Ленинграде в один день с режиссером, в ту среду, и их почти 70. Но «Среда» — не манифест поколения: поколение это сторонится манифестов и готово предъявить миру лишь факт своего физического существования. Средние люди «Среды» живут в середине — между тем, что было до рождения, если было, и тем, что будет после смерти. Если будет. Тотальная неизвестность у Косаковского пучится деталями, как Нева в «Среде» пучится льдинами. Не стесняется физиологии, как героиня-роженица. Дело, видимо, в том, что Косаковский вступает с реальностью в, так сказать, мужские отношения. Она ему по-настоящему нравится. И его пассива знает, что нравится. Поэтому камеры Косаковского — а он и снимает сам — не боится и не стесняется. И подбрасывает скромные знаки внимания. Человек в тюрьме, зэк из «Среды», вдруг возьмет и спросит режиссера о «наших», родившихся в ту среду: «Ну как там они, счастливы?» И воспроизведет извечный русский флирт с недостижимым, но желанным — кажется, по Ивану Карамазову: русский человек сам не верит, но верит, что есть кто-то, кто верит.

Косаковскому сейчас 36 лет. Недавно он начал набирать в весе. Ему это идет. Он говорит: это возраст.

Виктория БЕЛОПОЛЬСКАЯ.

Вот уже шестой год присуждается независимая премия «Поощрения высших достижений литературы и искусства «Триумф». В нынешнем году по 50 тысяч долларов каждому получат белорусская писательница Светлана Алексиевич, санкт-петербургский поэт, композитор и рок-певец Борис Гребенщиков, его земляк, кинодокументалист Виктор Косаковский, хореограф Игорь Моисеев, эстонский композитор Арво Пярт. Торжественная церемония чествования лауреатов состоится 7 января в Большом театре.